

БЕНТЛИ ЛИТТЛ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Москва
2016

Пролог

Зейн Грей проснулся с ощущением, будто ему свернули шею. Спина болела. Застонав, он выбрался из кровати и поковылял к окну. Его взгляд скользнул между деревьями поверх зеленого склона с загонами для лошадей к желто-коричневой стене откоса Тонто Рим.

У него опять бессонница. Снаружи домика доносился какой-то шум: хруст веток и грохот камней, которые никак нельзя было приписать животным или ветру. Особенно громкими звуки казались в темноте безлунной ночи. Он также слышал загадочный вой откуда-то сверху — странный низкий звук, не похожий на звуки, издаваемые человеком или зверем. Именно этот вой больше всего действовал ему на нервы.

Робким человеком его не назовешь. Грей охотился на медведя в Колорадо, не прибегая к услугам проводника. В одиночку рыбачил на весельной лодке в шторм у побережья Орегона. Он полжизни прожил среди дикой природы, от которой его защищали лишь чепрак и нож. Но звуки, которые издавало это существо или демон — что бы там ни жило наверху, — вызвали у него желание собрать вещи и поспешить назад, к цивилизации.

Демон?

Он был несусеверным. Хотя и не настолько ограниченным, чтобы отвергать возможность существования в этом мире вещей, которых он, Зейн Грей, не пони-

мает. Ведь в Библии упоминалось о демонах. А кто он такой, чтобы спорить со Священным Писанием?

Грей замер у окна, опираясь руками о подоконник, чтобы разгрузить спину. На лугу одна из лошадей заржала и игриво поскакала к изгороди.

В городе говорили, что даже индейцы старались держаться подальше от вершины гребня, хотя обычно предпочитали селиться на плато, защищаясь от вражеских набегов, — геологические формации представляли собой нечто вроде естественной крепости. Отмахиваться от этого не следовало. Грей не любил краснокожих, но признавал, что они знают местность, знают, как, где и почему строить свои деревни, умеют выживать в этой суровой стране.

Он выпрямился и застонал от боли — в поясище что-то щелкнуло. Выходить наружу почему-то не хотелось, хотя солнце уже встало и тьма рассеялась. Но Зейн тут же запретил себе бояться — он же не какая-нибудь экзальтированная старуха! Потирая ноющую шею, мужчина пошел в кабинку туалета рядом с домом, потом принес воды из колодца и поставил чайник на плиту. Угли еще тлели, и Грей положил сверху еще одно полено и связку растопки, затем с помощью мехов раздул огонь.

День здесь, в домике, всегда начинался с яичницы с ломтем бекона и кофе. После завтрака Зейн снова вышел наружу и исследовал землю вокруг дома в поисках человеческих следов, отпечатков копыт или отметин от когтей. Сделав три круга, он, как и раньше, не нашел никаких признаков того, что тут кто-то был — кроме него.

Жаркое солнце Аризоны уже припекало голову, и на лбу, у самой кромки волос, собрались капельки пота. День будет знойным — летом других здесь не бывает, — и Грей пошел на луг, чтобы выпустить лошадей на пастбище, прежде чем станет жарко. Он спускался

по узкой, заросшей сорняками тропинке, и под ногами у него хрустели мертвые жуки, сухие сосновые иглы и известняковая крошка. Многие в городе отговаривали его от покупки этого участка, но Грей всегда полагался только на себя, и в таких делах, как покупка недвижимости, не собирался прислушиваться к мнению местных мужланов.

Он открыл ворота пастбища и направился к амбару, где хранил овес и ячмень. Ночные кошмары уже начали отступать — так бывало каждое утро. Дневной свет как будто рассеивал мучительный страх, и ночные мысли теперь казались нелепыми и смешными. Но остатки тревоги не исчезали. Прошлая ночь была самой тяжелой из всех, и избавиться от мысли, что в этой части Тонто обитает что-то злое и сверхъестественное, оказалось не так-то легко.

Лошади подошли к нему, выпрашивая угощение, и он ласково похлопал их по бокам — сначала Вирджила, потом Тенни, — направил их в сторону лизунца и отпустил. «Голодными не останетесь, — усмехнулся Грей. — Не волнуйтесь». Потом пошел через пастбище, следя за тем, чтобы ненароком не наступить на змею.

В амбаре он увидел жеребенка.

Ему там неоткуда было взяться. Лошадей у Грея было всего две — жеребцы. Больше никто на его земле не жил — ни люди, ни домашние животные.

Но вовсе не это заставило его замереть на месте. И вызвало почти непреодолимое желание убежать.

Морда животного. Раздувшиеся, окровавленные ноздри, безумные выпученные глаза, всклокоченная грива, широко раскрытый рот с оскаленными зубами, словно растянутый в злобной ухмылке.

Лошади не умеют улыбаться, и это чисто человеческое выражение на морде бессловесного существа казалось не только неуместным, но и в высшей степени неестественным.

Его реакция была инстинктивной. Не задумываясь ни на секунду, Зейн сорвал заряженное ружье с крюка в стене и выстрелил жеребенку в голову. Животное упало. Но даже в смерти оно не утратило своей странной дикости; все в мертвом жеребенке выглядело ненормальным.

И Грея не покидало ощущение, что... в амбаре еще кто-то есть. Он не мог ни описать, ни объяснить это чувство, но оно никуда не исчезало.

Не выпуская из рук ружья, Зейн выскочил из амбара — на яркий и безопасный солнечный свет. Ему хотелось уйти как можно дальше от мрачного дощатого строения с мертвым безумным жеребенком.

Возможно, слухи были обоснованными. Возможно, индейцы действительно всегда избегали этого места, считая его проклятым. Но ему не казалось, что это предъявляет свои права нечто древнее. Нет, зло было новым, только зарождающимся. Грей не понимал, откуда ему это известно, — просто чувствовал.

Он сделал глубокий вдох и оглянулся на амбар, крепко сжимая ружье. Нужно избавиться от тела животного. Видеть жеребенка, прикоснуться к нему совсем не хотелось, но он подумал, что мертвый жеребенок всю ночь будет лежать у стойла, с этим своим жутким оскалом, а из окна в комнату будут проникать странные звуки и вой с гор... Нет, так еще хуже!

Вирджил и Тенни подошли к нему и стали тыкаться мордами, думая, что хозяин принес им еды. Присутствие лошадей вернуло Зейну мужество, и он обрадовался, что рядом есть живые существа. «Пошли, парни, — Грей похлопал их по бокам. — Поищем вам что-нибудь поесть». Он подвел животных к открытой двери амбара, втайне надеясь, что теперь все будет нормально, что ему это пригрезилось или, по меньшей мере, морда жеребенка уже не будет такой пугающе странной. Но ничего не изменилось, а Вирджил и Тенни замерли, едва

переступив порог, и Грей решил, что ему тоже лучше не входить внутрь. По крайней мере, какое-то время.

— Думаю, сегодня утром вам придется обойтись сеном, — сказал он лошадям.

На пастбище было полно травы, и Зейн отнес две половинки кипы сена к дальнему краю ограды, чтобы жеребцы не голодали. Потом подвел животных к сену, убедился, что они начали есть, и пошел назад, к домику. Возможно, потом, когда он немного выпьет для храбрости, а солнце поднимется повыше, еще больше отдалив ночь, он вернется и решит, что делать с телом жеребенка. Но пока лучше держаться как можно дальше от этой мерзости.

На столе лежала неоконченная рукопись его новой книги, «Под сенью Тонто Рим», и он начал листать страницы, презрительно разглядывая слова. Романтический вздор, описание Запада, существовавшего только в его воображении... Грей подумал о звуках прошлой ночи, о жеребенке в амбаре. Нужно написать книгу о том, какова реальная жизнь под сенью Тонто Рим.

Но ни один читатель в это не поверит — можно и не сомневаться.

Даже в художественный вымысел.

Глава 1

I

Его первые воспоминания связаны с делавэрским пуншем.

Эти воспоминания были яркими и насыщенными: ощущение холода на языке и сладкий вкус. В памяти всплывала хибара в какой-то глуши на пыльной дороге, где мать купила ему бутылку с напитком. Тогда он не знал, чем зарабатывал на жизнь его отец — это выяснилось через много лет, — но мать доставляла газеты на дом, а поскольку няня ей была не по карману, она каждый день брала с собой сына, который сидел на заднем сиденье машины, пока она, босая, гоняла по разбитым дорогам на стареньком «Рамблере» со стопкой сложенных газет на переднем сиденье. Ему казалось, что хибара — универсальный магазин — находился точно посередине их маршрута, и каждый день после обеда они ехали в безлюдную местность и бросали газеты на подъездные дорожки ранчо, затем сворачивали к магазину, останавливались и покупали напитки, после чего на обратной дороге в город доставляли остальные газеты.

Только вот он не знал, можно ли доверять своим воспоминаниям, потому что в его воображении этот магазин имел крыльцо из некрашенных досок с обветшалым навесом и металлическими холодильниками с напитками рядом с дверью — картинка, которую он видел недавно в рекламном ролике. Это его настоящие

воспоминания или просто ему нравится так думать? Невозможно определить, где картины в его памяти соответствуют действительности, а где провалы и пробелы заполняют воображение и сторонние образы.

Тем не менее он до сих пор помнил вкус делавэрского пунша. Эта часть воспоминаний была настоящей, и именно по этой причине он предпочитал доверять и остальным.

II

Объективно анализируя свою жизнь, Глен понял, что скорее всего переживает кризис среднего возраста. Однако он не чувствовал никакого кризиса и совсем не был уверен, что его поведение попадает в эту удобную категорию.

Он вышел с работы в пятницу вечером, твердо намереваясь поехать в Аризону, выставить землю на продажу и вернуться, чтобы успеть на видеоконференцию с программистами из их офиса в Сан-Франциско, назначенную на вечер воскресенья. Глен выключил компьютер, запер ящик письменного стола, попрощался с Джиллиан, Куонгом и Биллом и поехал домой собирать вещи. Он собирался взять с собой купчую и все бумаги матери, найти в Кингмане местного агента по торговле недвижимостью, чтобы тот занялся продажей участка, и сразу же вернуться в Южную Калифорнию.

Но еще не добравшись до подъездной дорожки к своему дому, Глен понял, что ничего этого не будет. Решение пришло неожиданно, когда он остановился на светофоре и смотрел, как блондинка в красном «Мустанге» сворачивает на заправку на противоположной стороне: он больше не вернется на работу в «Аутомейтед интерфейс». Нажимая кнопку пульта управления автоматическими воротами и въезжая в гараж, Глен

испытывал необыкновенное чувство свободы, почти эйфорию.

Он может делать все, что пожелает. Ничто его здесь не держит; и у него нет никакой причины продолжать эту скучную, не приносящую удовольствия жизнь. У него нет ни жены, ни родственников, ни подруги, а теперь, после смерти матери, не осталось никого, перед кем нужно было бы притворяться, оправдывая свой образ жизни. Он где-то читал, что смерть последнего из родителей дает возможность человеку наконец стать взрослым, освобождая от роли ребенка и позволяя делать то, что ему хочется, безо всяких ограничений извне. Именно так он себя и чувствовал. Разумеется, смерть матери потрясла Глена, и за эту неделю он пролил больше слез, чем за предыдущие двадцать лет. Но следовало признать, что в глубине души он испытывал некоторое облегчение, словно после стольких лет движения по кругу наконец начал жить.

Никакой конкретной мечты или плана у него не было — только неопределенное желание путешествовать, видеть новые места, новых людей. Глен остро осознавал, что жизнь у него одна и почти половина ее уже пройдена. Казалось, только вчера он окончил школу, а вот ему уже тридцать пять, и двадцатилетие выпуска уже не за горами. Что он сделал со своей жизнью, куда он пришел?

Ничего.

Никуда.

Смерть матери заставила его почувствовать, как быстро бежит время. И теперь он хотел компенсировать упущенные возможности, занявшись тем, что ему хочется, а не тем, что должен. Глен собирался побаловать себя всем, в чем отказывал себе из страха или из неверно понятого чувства ответственности.

Он все бросал. Работу. Дом. Друзей. Всю свою жизнь. Захватил кое-что из одежды, туалетные принад-

лежности, запер квартиру в кондоминиуме, заскочил в офис «Американской автомобильной ассоциации», чтобы взять карты и путеводители для всех штатов, и отправился в путь.

Глен родился и вырос в Финиксе, но уже больше пяти лет не был в Аризоне — с тех пор, как умер отец. Мать продала дом и переехала в Калифорнию, поближе к нему; каждый раз, когда Глен брал отпуск, она заводила речь о том, чтобы вернуться и повидать друзей, пыталась уговорить его на поездку, но он каждый раз уклонялся. Глен был эгоистом. Ему не хотелось тратить свой короткий отпуск на то, чтобы возить ее к старым перечницам, и теперь он об этом жалел. Ведь ничего не стоило выполнить просьбу матери и сделать ее счастливой.

Ночь Глен провел в Лас-Вегасе. Из-за пробки, которую в пятницу вечером создали жители Южной Калифорнии на федеральной автостраде № 15, он добрался до города только в двенадцатом часу, но тут никто и не думал спать — толпы на тротуарах, улицы в разноцветных огнях и вывесках...

Как это ни удивительно, он ни разу в жизни не был в Лас-Вегасе и теперь испытал огромное разочарование. Роскошные отели и пансионаты, которые в телевизоре выглядели такими эффектными и привлекательными, на деле оказались дешевыми и жалкими, притиснутыми вплотную друг к другу. В конечном итоге Глен снял номер на пятнадцатом этаже многоэтажного отеля, пропахший сигаретным дымом; перед отъездом он потратил двадцать долларов в казино отеля, но никакого удовольствия не получил.

Утром он отправился в Кингман и почти час колесил по безмянным дорогам в окрестностях города, пытаясь отыскать принадлежавшую родителям землю. Прежде чем обращаться к кому-то, он хотел посмотреть участок, чтобы оценить его, но отцовская карта

безнадежно устарела. Наконец Глен сдался и поехал в агентство недвижимости. Чрезвычайно внимательный риелтор, единственный в конторе, был занят — он ждал супружескую пару, чтобы закрыть, по всей видимости, выгодную сделку. Поэтому он вручил Глену карту окрестностей города, красным маркером указал дорогу к его участку и сообщил, что через час с ним встретится другой агент.

Глен направился на север от города по широкой грунтовой дороге — уверенный, что уже проезжал по ней, — затем свернул на разбитую дорогу, проходившую по плоской, уродливой пустоши. На выцветшем и облупившемся указателе еще можно было прочесть название: СОЛНЕЧНЫЙ ПОСЕЛОК. Родители купили здесь участок после того, как отец вышел на пенсию, когда Глен уже давно жил отдельно. Если память ему не изменяла, это была просто инвестиция, и родители, похоже, ни разу сюда не приезжали после того, как их уговорили на покупку. На такие аферы попадались многие, но Глен удивился, что среди них был и его отец. Подозрительный и циничный от природы, старик любил высмеивать людей, покупающих вещи, не видя их, по каталогам или поддавшись на телевизионную рекламу, и всегда предупреждал сына о двуличности и ненадежности продавцов.

Тем не менее отец приехал в эту глушь и купил бесполезный кусок земли.

За прошедшие годы в поселке не построили ни одного дома. Хотя участки были давным-давно обозначены и Глен без труда нашел тот, который принадлежал родителям.

Земли оказалось больше, чем он предполагал. Забор из колючей проволоки тянулся вдоль дороги на расстояние, равное городскому кварталу: от маленькой таблички с номером, обозначающей восточную границу участка, до неровной ограды, защищавшей от скота, по